

...Сели за столик на уютную скамейку в тени красивого навеса. Солнечные лучи, проникавшие сквозь ажурные вырезы, создавали какую-то особо интимную обстановку на этом участке заполненной туристами знаменитой площади Варшавы

Мой спутник — российский писатель и переводчик Николай Плиско с удовольствием сказал:

— Всё так, словно я вернулся в 1970 год, в тогдашнюю Варшаву. И тогда в летние дни у «Фукера» появлялись изящные столики, и официанты бойко разносили венгерское и мёд, знаменитый польский мёд: «липец», «двуйняк», «труйняк», «каштелянский»...

Я рискнула пошутить:

— **Надеюсь, не только ради мёда вы приехали тогда в Варшаву?**

— Естественно. Тогда у меня, третьекурсника факультета журналистики МГУ, вышла книга — перевод обширного труда великого польского яхтсмена Леонида Телиги «Одиноким рейс "Опти"». Это был первый перевод на иностранный язык, и издатели пригласили меня в Варшаву.

Позже я решил и дипломную работу делать на «польскую» тему. Получилось так, что специалистов по польской журналистике у нас на факультете не было. В руководители мне дали некоего доцента, специалиста по партийно-советской печати. Он просто предоставил мне полную свободу и ни во что не вмешивался. Тему для диплома я выбрал самую, как мне казалось, актуальную: деятельность польского агентства «Интерпресс». Потом распределение, хорошее, в польскую редакцию агентства печати «Новости». Рутинная работа, мы выпускали журнал «Край Рад» на польском языке. Ну и постоянно — переводы. Переводил не только с польского, но и французского и английского. Одних только романов Жоржа Сименона свыше десятка... Работал много, каждый день допоздна.

— **Ну а потом вы внезапно взялись за документальную прозу. Почему?**

— Я и сам много раз задавал себе этот вопрос. В те годы выезд за границу, даже в Польшу, обставлялся такими немислимыми формальными трудностями, что бывать там случалось нечасто. Но во время встреч с польскими коллегами (чаще всего они, понятное дело, проходили в Москве) я с удивлением, а потом и с беспокойством стал понимать: всё то, что я знаю, как-то очень не состыковывается с тем, что говорят в Польше, с теми печатными материалами, что стали мне доступны. В особенности это касалось новейшей истории...

Во время в Польшу вдруг развернулась кампания по удалению «белых пятен» в советско-польских отношениях. Я жадно набрасывался на все связанные с этим вопросом материалы. И вот что вскоре обнаружилось: мои польские коллеги делали упор на героизации действий польской стороны, причём — во всех сферах.

Впервые я это ясно увидел, когда собрал материал о польской армии в СССР — армии Андерса. Тогда же впервые столкнулся с трудностями. Нет, не творческого порядка. Я добросовестно написал правду: генерал Андерс не был рыцарем в белых ризах, каким его изображали в польской печати, и особенно в эмигрантской прессе, он не был героем из романов Сенкевича, чей образ до сих пор подпитывает польских романтиков. Это был мелкий, трусливый человек, обыкновенный воришка и казнокрад. А его «армия», созданная и снаряжённая на советские деньги, дезертировала и удрали в Иран в самый тяжёлый момент для нашей страны — во время Сталинградской битвы.

У польских коллег эта повесть восторга не вызвала, они поморщились, ведь всё это так не совпадало с устоявшимися мнениями. Но у меня был аргумент, разительный для них: все источники, которыми я пользовался, были исключительно польского происхождения. Просто до этого их старательно замалчивали, а я разрыл. Конечно, они пробовали объяснить, оправдаться, но моя позиция была твёрдой: нельзя замазывать «белые пятна» только с одной стороны, нельзя выпячивать реальные и выдуманные грехи лишь

одних, нельзя вводить в столь ответственное дело двойную мораль мелких политиканов...

В Москву понесли жалобы. Дальнейшее — понятно. Повесть, ясное дело, не напечатали, а мне внятно внушили: пиши о польско-советской дружбе, только об этом.

— **И что же, она так и осталась «в столе»?**

— Да, какое-то время оставалась там. Но это пошло ей на пользу. Со временем появилось столько новых и бесспорных фактов, подтверждающих мою правоту, что дальше мариновать повесть было невозможно. Да и времена изменились.

— **Значит, книга опубликована?**

— Да, в издательстве «Вече» — одним из наших самых солидных и уважаемых. Рукопись была ещё в редакционной работе,

Их до сих пор стыдятся сосчитать, но в наших лагерях для военнопленных оказалось свыше 60 тысяч поляков-гитлеровцев... Вам не стыдно?

— **Значит, ваши книги были своеобразной реакцией, ответом на заданные вам разоблачения «белых пятен»?**

— А это преимущественно не было разоблачением. Чаще всего это было выпячивание второстепенных фактов, а то и просто искажение исторических событий. В большинстве случаев педалировали эмоциональную сторону, а документальную старательно обходили. В результате картина событий совершенно искажалась.

Или вот обратный пример: изучая немецкую прессу 1930-х годов я встретил имя польского разведчика Ежи Сосновского. Точнее отчёт о процессе над ним в Берлине. Тема так меня заинтересовала, что я

после войны 1920 года украинские и белорусские земли, в Польше рассматриваются исключительно однозначно — как агрессия. К нашим аргументам просто не прислушиваются. Даже мнение Черчилля, на которого в Польше традиционно молчатся, о том, что русские только вернули своё! И вот это-то до сих пор тщательно у вас скрывается...

— **Возможно, где-то в журналистском задоре некоторые и перегибают палку. А как у вас в стране относятся к этим, ну скажем, разоблачениям?**

— Думаю, с пониманием. Книжки имеют, как говорится, «хорошую прессу». Не забывают меня и литературные журналы. Мои повести уже несколько лет печатаются в самом авторитетном литературном журнале России — в «Нашем современнике» и находят самый тёплый отзыв у читателей.

когда я призадумался: материалов по этому периоду скопилось очень много, с ними надо было что-то делать. Тогда и наметил серию публикаций под условным названием «Проигравшие».

— **Проигравшие — это, конечно, поляки?**

— Поляки. Только не говорите мне фразу, которую так любят употреблять в разговорах с русскими: «Вы просто не любите Польшу».

Знаете, раньше я терялся и бормотал в ответ что-то вроде того, как мы все её обожаем. А теперь скажу: какую Польшу? Если ту, о которой пишу, то за что её любить? Ведь всё замазывание «белых пятен» вылилось лишь в торжество самого непотребного польского шовинизма.

Смотрите, что получается по-вашему: поляки победили на всех фронтах, заняли Берлин, Армия Крайова освободила страну, герои Варшавского восстания покрыли себя неуязвимой славой, а русские в это время спокойно наблюдали как гибнут польские патриоты и так далее.

По-вашему, поляки герои, везде герои. В Норвегии и в битве за Англию, в ливийской пустыне и под Монте-Кассино. Они и только они — решающий фактор в победе над фашизмом. Наверное, поэтому вы сейчас уничтожаете памятники советским воинам и разрушаете их кладбища? А ведь в Польше больше 600 тысяч могил советских воинов-освободителей... И это считается проявлением патриотизма.

Знаете, сколько поляков погибло на всех фронтах за время Второй мировой? Могу сказать: 123 тысячи! Это за шесть лет самой опустошительной войны в истории человечества. А сколько поляков в гитлеровских мундирах воевало на стороне фа-

занимался ею свыше 20 лет. Собрал много документов и свидетельств очевидцев и обнаружил, что всё происходившее с этим человеком — зеркальное отражение польской политики того периода: мужественный разведчик сделался жертвой интриг собственных коллег. Мне захотелось об этом рассказать, но совершенно не ясна была судьба Сосновского после его ареста, суда и освобождения, точнее обмена на немецких шпионов в Польше. Я принялся за поиски и, в конце концов, даже нашёл его могилу в провинциальном русском городе на Волге. А в Польше об этом ничего не знают.

Впоследствии я написал книгу, назвав её «Ошибка польского Купидона», но в издательстве почему-то заменили заголовок на «Шпионская драма майора Сосновского». Впрочем, это пустяки. Главное — книга вышла, и мы узнали имя ещё одного польского героя.

— **А что сейчас у вас на рабочем столе?**

— Знаете, складывается интересная картина: документальная повесть о майоре Сосновском лишь внешне напоминает детективное повествование. По сути, это анализ политики польского правительства в предвоенные годы, которая привела страну к столь позорному краху в 1939 году. И последующие четыре повести, объединённые общим заголовком — «Проигравшие», — лишь развитие и детальное рассмотрение этой темы.

Я подробно анализирую не просто хронологический ход событий. Но и пытаюсь рассказать о той атмосфере, той обстановке и тех действиях, что привели к столь печальным результатам.

События 1939 года, когда Советский Союз вернул себе отторгнутые Польшей

В обстановке наступившего всеобщего общественного равнодушия к литературе этот журнал не только имеет самый высокий среди «толстых» изданий тираж, но и постоянно его увеличивает. В этом несомненная заслуга бесменного главного редактора, известного поэта Станислава Куняева. Он, кстати, великолепный знаток Польши, её истории, многократно бывал в вашей стране, его много переводили. А недавно сенсацию в Польше вызвала его многократно переиздаваемая у нас книга «Шляхта и мы». Очень аргументированная и доказательная, она превосходно разоблачает фантазии некоторых польских мифотворцев, стремящихся посорить нас.

— **Да, я внимательно прочитала эту книгу. Хороший ответ некоторым разоблачителям «белых пятен». Но вот что получается. Оказывается, среди российских писателей только вы с Куняевым и пишете о нас. Почему?**

— Знаете, чтобы о чём-то писать достоверно, надо досконально знать предмет. А это трудно, много времени уходит на изучение. Мне кажется, у серьёзного литератора должна быть своего рода мнотема. Таковой стала для меня Польша, её история, культура и традиции. Могу без ложной скромности сказать: я сейчас единственный в России писатель, пишущий исключительно на «польскую» тему. Да и переводящий тоже...

— **Я рада вдвойне: и потому, что вы только десятилетия храните верность одной теме, а ещё больше потому, что тема эта — Польша. Желаю вам дальнейших творческих успехов!**